

Некрасов в стихах "Нового поэта"

Широко известно, что пародии, фельетоны, очерки, обзоры, критические заметки, подписанные псевдонимом "Новый поэт", принадлежат И. И. Панаеву. Новый поэт всегда безоговорочно отождествляется с Панаевым, без учета того факта, что под псевдонимом Нового поэта печатались и стихотворения Некрасова. На эти публикации смотрят едва ли не как на случайный результат недоразумения. Даже в специальной статье И. Г. Ямпольского "Литературная деятельность И. И. Панаева" лишь в сноске упоминается о двух пародиях Нового поэта, принадлежащих Некрасову. "Возможно, - пишет И. Г. Ямпольский, - что со временем обнаружатся и еще какие-нибудь пародии Нового поэта, автором которых является не Панаев". {В книге: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1950, стр. XXII.}

К. И. Чуковский во всех редактированных им собраниях сочинений Некрасова указывает, что стихотворения Некрасова "Они молчали оба", "В один трактир они оба ходили прилежно..." и "Мое разочарование" долгое время приписывались И. И. Панаеву и печатались в пятом томе "Полного собрания сочинений" Панаева, изданном в 1889 году. {Н. Н. Некрасов, Полное собрание стихотворений, т. I, изд. "Academia". М. --Л., 1934, стр. 627, 638, 653; Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. I, Гослитиздат, М., 1948, стр. 585, 609 и другие издания.}

В 1889 году, когда вышел пятый том "Полного собрания сочинений" И. И. Панаева, ни самого Панаева, ни Некрасова давно уже не было в живых. Поэтому комментарий К. И. Чуковского создает впечатление, что произошла путаница, нередкая в посмертных собраниях сочинений, где произведения одного автора по ошибке приписываются другому. Но комментатор умалчивает о том, что и "Мое разочарование", и "Они молчали оба" перешли в "Полное собрание сочинений" Панаева из книги "Собрание стихотворений Нового поэта", изданной в 1855 году, т. е. в ту пору, когда Панаев и Некрасов были оба живы и тесно связаны между собой как соиздатели "Современника". Трудно себе представить, чтобы Панаев мог без разрешения Некрасова включить в собрание своих стихотворений стихи Некрасова. Если же это было сделано по взаимному согласию, - вопрос о псевдониме Нового поэта приобретает иной характер.

Умолчание о публикации некрасовских стихов в сборнике Нового поэта 1855 года тем более странно, что комментатор упоминает об этом сборнике в ином контексте, но в том же самом примечании к "Моему разочарованию", в котором атрибуция стихотворения Панаеву возведена прямо к изданию 1889 года. {Н. А. Некрасов, Полное собрание стихотворений, т. I, стр. 653; Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. I, стр. 585.}

Нечетко говорится и о том, что ряд стихотворений Некрасова, не вошедших в "Собрание стихотворений Нового поэта", был напечатан в "Современнике" под маркой Нового поэта. В комментариях указывается, что то или другое произведение Некрасова появилось в фельетоне Нового поэта "без подписи", "с предисловием Нового поэта" и т. п. Значит ли это, что все эти произведения даны хотя и анонимно, но не от лица Нового поэта и лишь включены в его фельетон, или они прямо приписаны Новому поэту? Из комментариев установить это бывает трудно или совсем невозможно.

Поэтому следует рассмотреть с данной точки зрения все известные нам произведения Некрасова, опубликованные под псевдонимом Нового поэта в составе произведений Нового поэта или вошедшие в "Собрание стихотворений Нового поэта". Мы перечислим их в порядке хронологической последовательности публикаций.

1. В № 4 "Современника" за 1847 год опубликовано семь стихотворений Нового поэта. Последнее из них - "В один трактир они оба ходили прилежно...". Введено оно следующими словами:

"Как-то я долго читал Гейне и вдруг написал престранную, пренепонятную для меня самого вещь... Вот она". {"Современник", 1847, т. II, № 4, отд. IV, стр. 159.}

Таким образом, стихотворение безоговорочно приписано Новому поэту и на этом основании включено в посмертное собрание сочинений Панаева. Что оно некрасовское, стало известно из подписанного автографа, найденного в бумагах Н. П. Огарева и опубликованного в 1902 году.

2. В № 5 "Современника" за 1851 год опубликована неподписанная рецензия на литературный сборник "Раут", изданный Н. В. Сушковым. В эту рецензию включено большое стихотворение "Мое разочарование", в качестве произведения Нового поэта, "вступившего в соперничество" с Каролиной Павловой. С подзаголовком "поэма" "Мое разочарование" вошло в "Собрание стихотворений Нового поэта" 1855 года. О том, что оно написано Некрасовым, стало известно в 1874 году, когда вышла последняя, шестая часть последнего прижизненного издания стихотворений Некрасова. В качестве "приложения" к этой части Некрасов поместил двенадцать стихотворений под названием "Юмористические стихотворения разных годов". В их число вошло и "Мое разочарование".

3. В № 8 "Современника" за 1851 год опубликована "Беседа журналиста с подписчиком". Она вошла в состав "Заметок Нового поэта о русской журналистике"; ей предшествует следующая тирада:

"Публика! журналы! журналисты! соперничество! подписчики! Взявшись писать о русской журналистике, в последнее время я так много думал обо всем этом, что в голове моей образовалась целая поэма, в которой должен отразиться характер современной нашей журналистики. Я дал моей поэме драматическую форму и теперь деятельно пишу ее. Вот первая "Беседа" или первая часть моей драматической поэмы; надеюсь публика прочтет ее с любопытством и благодарностью: я думаю, еще ни один литератор так горячо не хлопотал об интересах публики, как хлопочу я в моей поэме. И дай бог, чтоб усилия мои принесли плод!". {*"Современник"*, 1851, т. XXVIII, № 8, отд. VI, стр. 10.}

Таким образом, и это произведение приписано перу Нового поэта. Как и "Мое разочарование", оно включено Некрасовым в приложение к шестой части издания 1874 года ("Юмористические стихотворения разных годов"), в сокращенном виде, под заглавием "Деловой разговор".

4--6. В том же цикле "Заметки Нового поэта о русской журналистике" в "Современнике" 1851 года, № 11, помещены три стихотворения Некрасова: "Родился я в губернии", "К ней" и "Великий человек". Они включены в довольно пространственный рассказ о том, как к Новому поэту явился какой-то небритый господин в поношенном сюртуке, с умным, добрым и печальным лицом, и предложил ему купить несколько своих стихотворений, из которых Новый поэт усмотрел, что имеет дело с замечательным поэтом. Эти стихотворения Новый поэт и сообщает читателям. Перу Нового поэта они, таким образом, не приписываются.

Впоследствии Некрасов включил все три произведения в собрания своих стихотворений. "К ней" было напечатано в "Стихотворениях" Некрасова 1856 года под заглавием "Из Ларры" ("В неведомой глуши, в деревне полудикой..."), отрывок "Великий человек" вошел в "Секрет", также напечатанный в издании 1856 года, "Родился я в губернии" под заглавием "Отрывок" включено в упомянутое выше приложение к изданию 1874 года ("Юмористические стихотворения разных годов").

7. В фельетон "Литературный маскарад накануне Нового (1852) года (Заметки Нового поэта)", напечатанный в январском номере "Современника" 1852 года, включено стихотворение "Новый год", вошедшее затем в "Стихотворения" Некрасова 1856 года. Никакой оговорки о том, что стихотворение не принадлежит автору фельетона, в фельетоне нет. Оно введено следующими словами:

"Затем Новый год начал раскланиваться публике. Все присутствующие приветствовали его восторженными рукоплесканиями и криками. Когда же эти крики смолкли, раздался невидимый хор:

Что новый год, то новых дум..." и т. д.¹

8. В январском номере "Современника" 1855 года, в фельетоне Нового поэта вновь помещено новогоднее стихотворение "Пробил час!.. Не скажу, чтоб с охотой...". Оно введено следующими словами:

"Теперь я обращаюсь ко всем, даже к моим литературным противникам, с следующим искренним словом:

"Произнесемте торжественно *Pereat!* всякой личной полемике в минуту нового года... Поднимемте наши бокалы за процветание русской литературы вообще и за процветание в ней честной, здоровой и умной критики, в особенности! Вместе с этим новым годом

Да здравствует солнце! да здравствует разум! ..

"Новый год перед вами и говорит вам:

Пробил час!.. Не скажу, чтоб с охотой..." и т. д.²

Это стихотворение Некрасов не включал в собрания своих стихов. Принадлежность его Некрасову установил К. И. Чуковский, обнаруживший карандашный набросок одной его строфы среди черновых набросков к "Саше", на утраченном ныне листке, принадлежавшем А. Ф. Кони.

9. В "Собрание стихотворений Нового поэта" (1855) включено стихотворение "Они молчали оба... Грустно, грустно...". Стихотворение это извлечено из произведения под заглавием "Как опасно предаваться честолюбивым снам. Фарс совершенно неправдоподобный, в стихах, с примесью прозы. Соч. гг. Пружинина, Зубоскалова, Белопяткина и К^о". "Фарс" этот был напечатан в изданном Некрасовым в 1846 году сборнике "Первое апреля. Комический иллюстрированный альманах, составленный из рассказов в стихах и прозе, достопримечательных писем, куплетов, пародий, анекдотов и пуфов". Как установил К. И. Чуковский, "Как опасно предаваться честолюбивым снам" написано Некрасовым, Григоровичем и Достоевским. Попытки разграничить авторство Григоровича и Достоевского в прозаических частях "фарса" сделаны К. И. Чуковским {К. Чуковский. Неизвестное произведение Ф. М. Достоевского. "Жизнь искусства", 1922, No 2, 10 января, стр. 5.} и мною; {Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. V, 1949, стр. 639.} в принадлежности же всей стиховой части Некрасову (псевдонимы которого - Пружинин и Белопяткин - даны в подзаголовке произведения) вряд ли могут быть какие-нибудь сомнения.

Итак, мы видим, что стихотворения Некрасова публиковались в качестве стихотворений Нового поэта (может быть, и специально писались для его фельетонов, как два новогодних стихотворения) и включались в "Собрание стихотворений Нового поэта". При этом принадлежность Некрасову тех стихотворений Нового поэта, которые Некрасов не включил впоследствии в собрание своих стихотворений, обнаружена в значительной мере случайно: по автографам Некрасова, по наличию других публикаций под псевдонимами Некрасова и т. п. Из этого естественно сделать два вывода:

1) что Панаев и Некрасов рассматривали псевдоним "Новый поэт" в какой-то степени как совместный, хотя Панаев всегда оставался распорядителем псевдонима, привлекавшим Некрасова к соавторству;

2) что вряд ли уже все произведения Некрасова выделены из наследия Нового поэта.

В частности, я хочу высказать предположение о принадлежности Некрасову еще одного стихотворения Нового поэта. Это стихотворение "Ревность". Оно, как и "Они молчали оба... Грустно, грустно...", первоначально было напечатано в альманахе "Первое апреля" и затем вошло в "Собрание стихотворений Нового поэта" 1855 года.

Из переписки, мемуаров и других материалов известно, что Некрасов привлек к участию в "Первом апреля" Григоровича, Достоевского, Кульчицкого; есть сомнительное сведение, что одна эпиграмма, помещенная в "Первом апреля", принадлежит Кронебергу. Но на то, чтобы в "Первом апреля" принимал участие Панаев, никаких указаний нет. Такой близости, при которой Панаеву было бы естественно принимать участие в любом издании Некрасова, в ту пору еще не было; она возникла после решения совместно издавать журнал. Сам Панаев в "Литературных воспоминаниях", говоря об издании Некрасовым "разных мелких литературных сборников, которые постоянно приносили ему небольшой барыш", пренебрежительно упоминает и о данном "мелком издании" и утверждает, что он "подшучивал над этим изданием" в разговоре с Некрасовым. {И. И. Панаев. Литературные воспоминания, стр. 248--249.} Панаев не оговаривается, и по тону его трудно предположить, чтобы он сам был сотрудником этого издания.

Тон Панаева понятен. "Первое апреля" было последним дешевеньким изданием Некрасова. Сомнительные анекдоты и остроты придавали ему вид несколько вульгарный. Характерно, что все произведения, вошедшие в этот альманах, напечатаны анонимно или под заведомыми комическими псевдонимами. В таком издании естественно было участвовать начинающим или бедным литераторам, но не богатому барину Панаеву, уже в течение десятилетия сотрудничавшему в лучших журналах и находившемуся в зените своей славы, автору "Актеона", от которого в таком восторге были Огарев и Кольцов, который Герцен называл "шедевром" и "мастерской повестью", автору "Литературной тли", которую Белинский считал лучшим современным сатирическим произведением, за исключением гоголевских. {О значении и положении Панаева как беллетриста 30--40-х годов см. в упомянутой вступительной статье И. Г. Ямпольского к "Литературным воспоминаниям" И. И. Панаева, стр. XI--XIX.} Другое дело - участие в "Физиологии Петербурга", в "Петербургском сборнике". Эти издания Некрасова входили в "большую" литературу.

Весьма вероятно, что стихотворная часть "Первого апреля" вся заполнена одним Некрасовым, не имевшим необходимости привлекать в альманах других поэтов. Вспомним, что в этом карманном альманахе напечатаны (анонимно) некрасовские стихи "Перед дождем", "И скучно, и грустно!", "Ростовщик", "Пощечина", "Женщина, каких много". Из всех стихотворений альманаха Некрасов счел "Ревность" наиболее удачным, по крайней мере наиболее эффективным, так как именно этим стихотворением альманах открывается (после прозаического "Вступления", написанного Григоровичем).

С этой оценкой согласился и Белинский. В рецензии на "Первое апреля", шутивно причисляя "Ревность" к "серьезным стихотворениям", он заявил: "Лучшее из них называется "Ревность". Выписываем его для восторга и удивления наших читателей". Белинский приводит стихотворение целиком и в заключение пишет: "Прочтя это стихотворение, кто не согласится, что сам г. Бенедиктов едва ли в состоянии возвыситься до такой образности и силы в выражении неистово-клокочущей и бешено-раздирающей грудь страсти". {В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. X, СПб., 1914, стр. 308, 309.}

Именно на предположении, что все - по крайней мере все сколько-нибудь значительные - стихи из "Первого апреля" принадлежат Некрасову, основывается атрибуция Некрасову другого стихотворного выпада против романтизма в "Первом апреля" - стихотворения "Женщина, каких много", впоследствии не перепечатававшегося. Без сомнения, и "Ревность" давно вошла бы в собрания сочинений Некрасова, если бы она не была включена в "Собрание стихотворений Нового поэта"; только на этом основании она не приписывается Некрасову, хотя заведомо известно, что в "Собрание стихотворений Нового поэта" входят стихи Некрасова, что единственная вещь, кроме "Ревности", вошедшая туда из "Первого апреля", несомненно, некрасовская, а между тем нет никаких данных и маловероятно, чтобы в "Первом апреле" участвовал Панаев.

Художественные качества, вообще говоря, шаткое основание для атрибуции, но в данном случае надо учесть, что речь идет о двух поэтах, несоизмеримых по художественному уровню. Правда, среди произведений Нового поэта есть и слабые вещи Некрасова (как "В один трактир они оба ходили прилежно..."), но с подлинными творческими достижениями Некрасова-пародиста Панаев никак не мог соревноваться. Хотя по своим установкам, по кругу объектов

своих пародий Панаев близок Некрасову и является предшественником замечательных пародистов, создателей "Козьмы Пруtkова", {См. об этом в моей статье "Козьма Пруtkов" в книге: Полное собрание сочинений Козьмы Пруtkова. Изд. "Советский писатель", Л., 1949, стр. XXXI--XXXII и в упоминавшейся статье И. Г. Ямпольского, стр. XXX.} тем не менее в пародиях самого Панаева мало остроты и соли; недаром они иногда и не воспринимаются как пародии, принимаются "всерьез". На один такой случай (пародия на Каролину Павлову, принятая за стихи самой Павловой) указывает И. Г. Ямпольский, {В той же статье, стр. XXV.} на другой случай указал еще сам Новый поэт в предисловии к собранию своих стихотворений:

"Эти пародии, печатавшиеся в периодических изданиях, были принимаемы впрочем некоторыми за серьезные произведения. На одну из таких пародий, начинающуюся стихом:

Густолиственных кленов аллея...

написана даже в Москве г. Дмитриевым прекрасная музыка..."³

Панаев пародирует темы, часто "перепевает" конкретные стихотворения, но не обладает даром показать в сатирическом виде творческий метод пародируемого автора, его манеру конструировать стихотворение, его лексику, интонации и даже его ритмику. Панаев - плохой версификатор. В его пародиях поражает несоблюдение строфики, внезапные, ничем не мотивированные смены и перебои ритмов, прямые неправильности в размерах (вроде семистопных ямбов и бесцезурных шестистопных; ср. стихотворение "Вчера, в пустом и длинном переулке..."), в чередовании рифм. Так, даже в стихотворениях, написанных александрийским стихом, требовавшим особой ритмической точности, безукоризненной "гармонии", Новый поэт, как правило, сбивается в чередовании мужских и женских двустиший ("Сельская тишина", "Far-niente", "Воспоминания детства"), в то время как пародируемые им авторы строго соблюдали эти правила.

В предисловии к "Собранию стихотворений" Новый поэт уверяет, что "собрал все свои пародии... единственно для того, чтобы... подтвердить мысль..., что можно, не имея ни малейшего поэтического таланта, писать гладкие, звучные и громкие стихи..." (стр. IX). Но на самом деле его пародии по большей части негладки и незвучны. Вероятно, это связано с тем, что Панаев был прозаиком, а не поэтом, в качестве же поэта выступал лишь как пародист.

На фоне пародий Нового поэта "Ревность" резко выделяется блестящим умением схватывать слабые стороны пародируемого автора и давать в пародии сатирическую критику его творчества.

"Ревность", напечатанная в "Первом апреля" под псевдонимом "Владимир Бурнооков", является пародией на Владимира Бенедиктова и бьет по вычурности его поэзии, по гипертрофированной страстности и форсированному экстазу, по ложной сложности мысли и разветвленности фразы, по языку "исхищенному и кудреватому до неимоверности", метафорам "неправдоподобно смелым и бесчисленным". {Н. Г. Чернышевский. Собрание стихотворений В. Бенедиктова. Полное собрание сочинений, т. III, Гослитиздат, М., 1947, стр. 597.}

Приведем стихотворение, так как оно никогда не цитировалось в некрасовской литературе:

РЕВНОСТЬ

Есть мгновенья дум упорных,
Разрушительно-тлетворных,
Мрачных, буйных, адски-черных,
Сих - опасных как чума -
Расточительниц несчастья,
Вестниц зла, воровок счастья
И гасительниц ума!

Вот в неистовстве разбоя
В грудь вломились, яро воя -
Всё вверх дном! И целый ад
Там, где час тому назад
Ярким, радужным алмазом
Пламенел твой светоч - разум!
Где добро, любовь и мир
Пировали честный пир!

Ад сей... В ком из земнородных
От степей и нив бесплодных,
Сих отчаянных краев,
Полных хлада и снегов -
От Камчатки льдяно-реброй
До берегов отчизны доброй, -
В ком он бурно не кипел?
Кто его - страстей изъятый,
Бессердечием богатый -
Не восцествовать посмел?..

Ад сей... ревностью он кинут
В душу смертного. Раздвинут
Для него широкий путь
В человеческую грудь...
Он грядет с огнем и треском,
Он ласкательно язвит,
Всё иным кровавым блеском
Оболяет - и превратит
Мир - в темницу, радость - в муку,
Счастье - в скорбь, веселье - в скуку,
Жизнь - в кладбище, слезы - в кровь,
В яд и ненависть - любовь!

Полон чувств огнепалящих,
Вопиющих и томящих,
Проживает человек
В страшный миг тот целый век!
Венчан тернием, не миртом
Молит смерти - смерть бы рай!
Но отчаяния спиртом
Налит череп через край...

Рай душе его смятенной -
Разрушать и проклинать,
И кинжалов всей вселенной
Мало ярость напитать!!

Л. Я. Гинзбург правильно отмечает в комментарии к стихотворению Бенедиктова "Тост", что именно это стихотворение использовано в "Ревности", автор которой "берет интонации и фразеологию "Тоста", а тему подменяет любовной". {В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. Изд. "Советский писатель", Л., 1939, стр. 315.} Действительно, тема и конкретный ход мыслей совсем иные, но тонко пародируются синтаксические обороты, интонации, лексический колорит, метафоры стихотворения Бенедиктова. Ср., например, интонации конца четвертого раздела стихотворения Некрасова со стихами из "Тоста":

За присяжников искусства -
Вещих мучеников чувства,
Показавших на земле
Свет небес в юдольной мгле,

Бронзу в неге, мрамор в муках,
Ум в аккордах, сердце в звуках,
Бога в красках, мир в огне,
Жизнь и смерть - на полотне.

Конкретных словесных совпадений с "Тостом" в "Ревности" мало, и почти все они связаны с отзывом Белинского о "Тосте", - отзывом, которым, надо думать, и порождена пародия.

Стихотворение Бенедиктова "Тост" появилось в альманахе "Метеор", изданном в 1845 году. В пятом номере "Отечественных записок" 1845 года была напечатана рецензия Белинского на этот альманах, в основном посвященная "Тосту". Очевидно, и "Ревность" датируется 1845 годом; вспомним, что осенью 1845 года Некрасов уже интенсивно собирал материал для юмористического альманаха.

Выписывая из стихотворения Бенедиктова "лучшее", Белинский цитирует строфу:

Жизнь - сияй! Твой светоч - разум.
Да не меркнет под тобой
Свет сей, вставленный алмазом
В перстень вечности самой!

и комментирует: "Удивительно! Разум сперва является светочем жизни; потом уходит *под* жизнь и наконец делается алмазом и попадает в перстень вечности! Какая глубокая мысль - ничего не поймешь в ней!".

В "Ревности":

... И целый ад
Там, где час тому назад
Ярким, радужным алмазом
Пламенел твой светоч - разум!

Далее Белинский приводит строфу:

Венчан лавром или миртом -
На подобие сих чаш
Буди налит череп наш
Соком дум и мысли спиртом!

и восклицает: "Браво, брависсимо! На подобие чаш налить черепа живых (*физически*) людей *соком дум и спиртом мысли*: какая счастливая, оригинальная мысль! Жаль только, что она будет в подрыв откупам и погребам".

К этой метафоре Белинский возвращается несколько раз и заканчивает рецензию словами:

"Жалеем, что не могли выписать этого дивного дифирамба вполне: в нем еще осталось столько соку дум и спирту мысли!.. Прав, тысячу раз прав г. Шевырев, доказавший, что до г. Бенедиктова в русской поэзии не было мысли, и что Державин, Крылов, Жуковский, Батюшков, Пушкин - поэты без мысли. Да, только с появления книжки стихотворений г. Бенедиктова русская поэзия преисполнилась не только мыслию, но и соком дум и спиртом мысли". {В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IX, СПб., 1910, стр. 356--353.}

В "Ревности" метафора заострена, нелепость ее подчеркнута:

Но отчаяния спиртом
Налит череп через край...

Белинский подчеркивает у Бенедиктова слова "адски-черных" (о глазах), "восчувствовать" ("юных дев и добрых жен"), - они переходят в пародию. Кажется, кроме не отмеченной Белинским "Камчатки льдяно-реброй", больше совпадений с "Тостом" в "Ревности" нет.

Далекая от пародийной манеры Нового поэта, "Ревность" по смелости и свободе создания в духе пародируемого поэта, по остроте критики и мастерству имитации, по сознательности поставленной художественной задачи и точности исполнения напоминает пародию Некрасова на Языкова "Послание к другу (Из-за границы)", того же 1845 года и так же тесно связанную и с общими оценками и с конкретными наблюдениями Белинского. {Анализ этой пародии см. в моей статье "Некрасов в борьбе со славянофильством. К истории стихотворения Некрасова "Послание к другу (Из-за границы)"" ("Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского Государственного университета", вып. 3, Л., 1951, стр. 55--69).}

Если правильно мое предположение об авторстве "Ревности", это стихотворение лишнее раз подтверждает, как тесно было связано - не только в общеидеологическом плане, но и в плане конкретной литературной работы - сатирическое творчество Некрасова с литературно-критической деятельностью Белинского.

Примечания

¹ "Современник", 1852, т. XXXI, No 1, отд. VI, стр. 172--173.

² "Современник", 1855, т. XLIX, No 1, отд. V, стр. 66.

³ Собрание стихотворений Нового поэта. СПб., 1855, стр. IX. Отмечу, что этот романс до сих пор бытует в репертуаре наших радиопередач.